

19 июня 1971 года

12:17 утра

Немигающий взгляд Аберфорта, услышавшего, что его родному брату нельзя доверять, заставил Гермиону неловко съжаться на кровати, в которой она выздоравливала. Хотя она знала, что отношения между двумя Дамблдорами всегда были нестабильными, особенно после безвременной смерти их младшей сестры, она была уверена, что если посторонний человек скажет что-то настолько грубое, это будет воспринято не иначе как оскорбление. Семейная гордость глубоко укоренилась в большинстве людей.

«Почему ты не доверяешь ему, девочка?»

Его спокойный ровный тон постепенно успокаивал Гермиону. По крайней мере, он не собирался нападать на нее физически или наносить неприятные удары ради семейной чести. Она сделала глубокий вдох, чтобы ещё больше успокоить нервы. Аберфорт, казалось, не спешил с ответом. Его знакомые голубые глаза смотрели на нее почти успокаивающе. Никогда прежде директор школы не заставлял ее чувствовать себя так комфортно в его присутствии. Постояв минуту и решив, как же все-таки ответить на его обманчиво простой вопрос, Гермиона вздохнула.

«Каждый, кто проходит по пути Альбуса Дамблдора, рискует стать очередной пешкой на его огромной живой шахматной доске. По моему личному опыту общения с волшебником, кажется, нет ничего, что он не хотел бы сделать ради «Большого блага», - объяснила она, не отрывая взгляда от одеяла, прикрывающего ее ноги. «Я видела, как он использовал чувство вины и неуместной преданности, чтобы привязать к себе человека на полжизни, лишив его при этом всех радостей и любви, чтобы бросить его в самый неподходящий момент, когда он, казалось, больше не нужен. Мужчина умер из-за него. Умер в одиночестве, потому что все его друзья бросили его, а Альбус манипулировал его детской любовью, превратив ее в нездоровую, печальную одержимость».

Гарри честно рассказал Гермионе о воспоминаниях, которые он увидел в сите в разгар финальной битвы. Охраняя личные воспоминания Северуса Снейпа непроницаемым щитом, он подробно рассказал о них двум пленным зрителям, когда стало известно, что Волдеморт наконец-то мертв. Гермиона и Кингсли последовали за ним в уединенный, на удивление нетронутый кабинет директора, чтобы услышать подробности печальной истории профессора Снейпа. Когда он закончил, Гермиона разрыдалась. Сочетание усталости после жаркой битвы, скорби по стольким потерянным людям и гнева на то, что пришлось пережить профессору зелий, было непреодолимым.

Она никогда не забудет, как сильные руки Кингсли обхватили ее дрожащую фигуру и прижали к груди. С его стороны не было никаких колебаний. Он вел себя так, словно это было его право, его долг - утешить рыдающую ведьму. Гермиона позволила ему утешать её успокаивающими словами и нежными прикосновениями, потому что в этом волшебнике всегда было что-то такое, что заставляло её чувствовать себя в безопасности и под защитой. Это было необходимо ей в такие депрессивные моменты. Как в ту ночь, когда они перевезли Гарри в нору. Кингсли помог ей почувствовать себя защищенной в хаосе проклятий, пролетающих над их головами. Когда их Астрал приземлился в заднем саду его дома, хранящегося в тайне, недалеко от Лондона, он тоже обнял ее, чтобы успокоить. В ту ночь она почувствовала в нём малейший намёк на влюблённость, хотя считала, что он не интересуется женскими хитростями.

Гермиона потрянула головой, отгоняя все мысли о самом молодом министре магии за последние

три столетия. В этот момент не было смысла даже думать о нём. Она была уверена, что стоит ей задуматься о нём больше, чем на минуту, как она очень разозлится на этого человека и его вопиющие манипуляции. Он был не лучше Дамблдора, использовавшего ее как средство для поиска своей потерянной девушки в прошлом. Отвратительно.

«И что хуже всего, - продолжала она, чтобы отвлечься от мыслей о Кингсли. «Он сохранил жизнь моему лучшему другу только для того, чтобы тот мог умереть в нужный момент».

Глаза Аберфорта расширились при этом замечании. Гермиона знала, что ей не следует раскрывать будущее, но она все еще была очень зла на директора за все то, что он сделал с Гарри за всю его короткую, полную стрессов жизнь. Отчасти ей хотелось плюнуть ему прямо в глаза. Она не была уверена, какотреагирует на то, что увидит его в прошлом, зная обо всём, что она сделала. Это была проблема на другой день.

«Я не стану рассказывать вам все, что знаю, но вам достаточно знать, что мой друг сыграл решающую роль в войне. До одиннадцати лет его держали в неведении о существовании магии. Профессор Дамблдор держал его в неведении, чтобы его воспитывали ужасные родственники-магглы. Над ним издевались, им пренебрегали, заставляли чувствовать себя нелюбимым и недостойным. Когда он прибыл в Хогвартс, даже не понимая, насколько он знаменит, он цеплялся за первое положительное внимание, которое он когда-либо получал от взрослых. Директор стал его героем, его кумиром. Ваш брат использовал желание моего друга любить и быть любимым в своих корыстных целях. Я никогда не прощу его за это».

Она сердито вытерла соленые слезы, скатившиеся по щекам. Во многих отношениях она чувствовала себя слишком заботливой старшей сестрой Гарри. Если бы существовал способ изменить ход истории, чтобы защитить его от боли и страданий, которые ему, похоже, суждено было испытать, она бы сделала это. Возможно, вмешательство Кингсли окажется полезным.

«Если у меня и были сомнения, знаете ли вы моего брата на самом деле, то вы только подтвердили, что говорите правду», - ответил Аберфорт, наколдовав еще один чистый носовой платок для ее использования. Он всегда был готов приказывать другим, когда считал, что это пойдет на пользу «Большому благу».

Аберфорт практически выплюнул этот ненавистный лозунг. В этот вечер между ними вновь повисло неловкое молчание. Никто из них не знал, что сказать дальше. Хотя оба были согласны с тем, что Альбус Дамблдор оставляет желать лучшего в качестве доверенного лица, каждый из них испытывал чувство вины за то, что высказал свое мнение вслух. Они оба принадлежали к тому историческому периоду, когда директора школы почитало подавляющее большинство волшебников. Выступить против человека, который, казалось, воплощал желания всех окружающих, им обоим было немного странно. Гермиона задавалась вопросом, был ли в жизни Аберфорта хоть один человек, который встал бы на его сторону, а не на сторону его более харизматичного брата. Одна эта мысль воодушевляла девушку.

«Уже поздно, и ты сильно ударила головой. Постарайся немного поспать. Мы сможем поговорить об этом через несколько часов».

Гермиона хотела возразить волшебнику, но он поднял руку, словно предвидя, что она скажет дальше.

«За восемьдесят семь лет жизни на этой планете я понял одну вещь: твои проблемы всегда будут ждать тебя на следующее утро», - сказал он, ухмыляясь и сверкая глазами на ведьму. «Мы можем обсудить это после того, как выспимся».

Аберфорт поднялся с края кровати, чтобы предотвратить дальнейшее обсуждение. Гермиона смотрела, как волшебник пересекает просторы крошечной спальни и направляется к двери, ведущей в остальную часть паба. Как только за ним закрылась дверь, она позволила себе полностью погрузиться в уединение. Сильные эмоции, бушевавшие в ее измученном теле с момента пробуждения в 1971 году, взяли свое. Впервые оказавшись в полном уединении, она разразилась настолько тихими рыданиями, насколько смогла. Когда прошло несколько минут, и она уже не чувствовала, что при необходимости сможет выдавить из себя хоть одну слезинку, Гермиона заснула в уютной маленькой комнате.

<http://tl.rulate.ru/book/107148/3893424>